

Наблюдения над стилем

Когда б вы знали, из какого сора..
Анна Ахматова

СТИХИ О ЛЮДЯХ

Людей там и не видели. Грядя
Уступами в равнину переходит.
Был брат. Он поселился в Реховоте
И никому там не нанес вреда.
"Привет! Я буду жить с тобой одна.
Поверь мне — это небольшое счастье.
Захочешь, разорву тебя на части.
Любуйся, я пока еще видна".
Вона таки жила. Жила неначе.
І відтоді її ніхто не бачив.
Кто двигался по кромке, кто бывал
Там, знает, сколь надежна эта кромка.
Ругался. Но, естественно, негромко.
Зачем ему, несчастному обвал?
Там никого не видели совсем.
Бывало, выйдешь, предположим, в поле,
Подумаешь, я, вероятно, болен,
И согласишься мысленно со всем.
Отож, вирішуй сам — чи до жінок,
Чи краще, пане, одному в шинок.
И я когда-то с кем-то был знаком.
С каким-то господином, или дамой.
Не можем быть уверены всегда мы,
И нам не просто сладить с языком.
И все же где-то видели людей.
Саме яких — це, врешті, неважливо.
Вони ще збереглися де-не-де.
А ще казали, ніби неможливо.

Это двуязычное стихотворение, написанное летом 2002 года в гостинице "Днепропетровск" на берегу Днепра в городе Днепропетровске, я поставил эпиграфом к книжке "Тифер штром", т. е. "Глубокое течение", если по-русски. Но по-русски (да и по-украински) в этой книге больше ничего нет. Впрочем, она тоже вышла двуязычной. Но это совсем другие языки...

В конце 2001 года в преддверии ноябрьских праздников (кто помнит) позвонили из издательства "Маяк" и поинтересовались, где рукопись книги, которую я обещал еще год назад. Я совершенно не помнил, чтобы я что-то обещал издательству "Маяк", но предложил издать подборку эссе, вышедших в разных периодических изданиях за последние пару лет. — "У нашому плані стоїть збірка поезій мовою ідіш. І назва є — "Глибока течія". Тут я вспомнил: год назад звонили из издательства, сказали, что составляют план, и спросили, как будет называться книга. Я посмотрел на потолок и сказал: "Глубокое течение".

Нових поезій мовою ідіш у мене на тот момент було не так багато — ни одного. Но когда есть возможность издать книжку коштом Державного комітету інформаційної політики України, да еще за Національною програмою випуску суспільно необхідних видань (всем, конечно, ясно, насколько общественно необходима еврейская поэзия на идиш в Украине, где те, кто еще понимает этот язык, вряд ли читают стихи, и наоборот), по такому случаю можно и новые поэзии написать, не вопрос. "Коли?" — спросил я. "Вчора", — кратко сказали из издательства. Получалось, что у меня было на сочинение сборника стихов самое большое время. Написать книжку полноценной, скажем так, лирики, такой, чтобы не стыдно издавать (все-таки есть, пусть не в Одессе, но в самых разных странах не очень большое количество людей — вероятных читателей) на пустом месте, — нереально. Я придумал такую композицию — сорок девять стихотворений (пятидесятое — эпиграф "Стихи о людях") по десять строк в каждом. Одна строка, чаще всего последняя, — цитата из еврейской классики — Библии или Талмуда, понятное дело, на иврите. Остальные девять строк, индуцированных соприкосновением с сакральными текстами, — мовою ідіш, как стояло в плане издательства "Маяк". Оба языка используют один и тот же квадратный шрифт "мерубба", и то, что текст двуязычный, заметит только тот, кто знает. А кто знает, смотри выше. Далее, для терпеливого читателя, который дочитал до этого места, я переведу одно (первое) стихотворение из этой книги на русский язык (прозой, естественно).

Со всеми своими делами,
Ослабленный выпивкой,
Уставший от старых глупостей.
— Их можно сменить на новые —
С нахальными черными глазами,
Эlegantный и сутулый,
Любознательный и легкомысленный.
Младшенький у папы-мамы.
Слава Богу — вот что самое главное.
— И сказал — вот я!

То же самое в оригинале, в транскрипции кириллицей:

Мит ди але майне майсес,
Ойсгематертер дурх койсес,
Мит ди алте наришкайтен
— Мегст ду зей ойф найе байтен —
Мит ди фрехе шварце ойген.
Эlegant ун айнгебойген.
Висенгирик ун лайхтзиник.
Тате-мамес а мизиник.
Данкен Гот — дос меин их.
...Вэ йомер хинени.

А это то же в самом оригинальном оригинале:

מיט די אלע מיינע מעשיות
אויסגעמאטערטער דורך כוסות,
מיד פון אלטע נארישקייטן,
-מעגסטו זיי אף נייע בייטן-
מיט די פרעכע שווארצע אויגן,
עלעגאנט און איינגעבריוגן.
וויסנגיריק און לייכטזיניק.
טאטע-מאמעס א מיזיניק.
דאנקען גאט - דאס מיין איד.
וויאמר הנני.

Мои стихи хорошо (и в рифму) переводятся с идиш на украинский. Но не мной, а украинским поэтом Тарасом Федюком. Вот одно, из сборника, вышедшего в 2000 году в издательстве "Астропринт":

Нас усі не надто вже й любили.
Що ж, любов — таки нещедре мливо.
Навіть наш Господь — Він особливо —
Нас любив не завжди й не щосили.

Отже, ще товчем цю землю древною.
Як писав француз Ренан — "народець дивний".
Щось ще в кожному із нас горить надривно,
Щось іще кипить, щось є, напевне.

А народи — той сидить в долині,
Той — нема дурних — на горах зроду.
А народець дивний, обраний з народів,
Де він? Він в пустелі і донині.

Кот Матроскин (кто помнит), когда мама Дяди Федора похвалила его за хозяйственность, застеснялся и промурлыкал: "А я еще и на машинке умею...". Я тоже умею, и в заключение короткий цикл осенних стихов разных лет, последнее написано совсем недавно — в ноябре 2007 года. Все по-русски.

* * *

Осенний ангел тихо пролетит,
Бросая взор на все свои владенья.
На белый свет. Сам сотканный из тени,
Встречая тени на своем пути.

Он тих, и светлый взор его приветлив,
Прикован к остывающей земле.
Осенний ангел, разминувшись с летним,
Летит навстречу вьюге и зиме.

* * *

Когда с дерев падет последний лист,
Когда уйдет последний бриг на Запад,
Ты пуще всех напастей берегись
Печали, наступающей внезапно.

Как ветра налетит она порыв,
Как выстрел прозвучит она ружейный,
Как фронта неожиданный прорыв —
И это всё, и это окруженье.

И демоны неверия и лжи
Возьмут тебя в свой оборот извечный.
Наступит ночь. И никакие свечи
Не осветят тогда твоей души.

Последний человек

В осеннем небе тает белый дым.
Восходит солнце. Улетают птицы.
Природа не выносит пустоты
И хочет до конца осуществится...

...Держась теченья обмелелых рек,
Отыскивая клубни и коренья,
Идет и отдыхает человек —
Венец незавершенного творенья.

И путь его теряется вдали.
И след его рассеивает ветер.
И пес его покинутый скулит.
И больше нет других людей на свете.

Элегия на Первое сентября

Ты с каждым годом смотришь отчужденней,
И взгляд твой все туманней и бледней.
Чего еще от этой жизни ждем мы?
Каких еще звучаний и огней?

Бесплотны наши лучшие друзья —
Их нет, и по отдельности, и скопом.
Бесплотны наши славные князья —
Как результат работы кинескопов.

И мы с тобой, мой друг, подобны теням.
Как все вокруг, как даже самый Бог,
Тот самый, что за всех распяться смог,
Оставив всех все в том же неведеньи.

* * *

Осень. Болит рука.
Ясно, что на погоду.
Где-то прошли века.
Здесь это только годы.

Жизнь идет к концу.
Это уже понятно.
Сетовать не к лицу.
Глупо и неприятно.

